

ОЗНАЧАЕМОЕ СИМВОЛА

Символизация является основной характеризующей чертой эллинского красноречия, поэтического языка античности. Символ не просто объективный вневременной знак. Он представляет собой способ связи между смыслом и его интерпретацией, между божественным знаменем и человеческим ос-

мыслением, энергией и именем [Теоретическая культурология 2005]. Греческое слово σύμβολο 'символ' от συμβάλλω – 'соединяю, согласовываю, составляю' [Μλατζλιώτη 2002] есть "соединение". Понятие σύμβολο, как оно отражено в новогреческой лексикографии, отличается многозначностью уже потому, что оно не могло не сохранить в своем содержании далекого света философской мысли Греции. Платон определяет связь слова со смыслом как спонтанную, основанную на природе вещей. Аристотель называет эту связь условной и произвольной. Древнегреческие философы творили в мифопоэтическую эпоху, когда символическое сознание создавало мифы. Вот почему материалом к древнегреческой дефиниции символа выступают тексты, которые отражают суть понятий имя, идея (Платон), чтойность (Аристотель). По Аристотелю, чтойность для каждой вещи есть то, что говорится о ней самой: «В имени вещи ... дается её чтойность. Но имя вещи не есть просто понятие, или смысл, вещи» [Лосев 1993].

В большом толковом словаре новогреческого языка символ определяется как: 1) 'что-нибудь, что используют для изображения чего-то другого, один вещественный предмет, который является представителем чего-то абстрактного'. 2) 'что-нибудь является подтверждением как эмблема', 3) '...в сознании образное выражение, воплощение идей, положений, примеров жизни'. 4) 'каждая буква, эскиз или другой знак, которым конвенционально обозначают предмет' [Μλατζλιώτη 2002]. В обобщенном виде символ представляется как средство выражения чувств, идей; что-нибудь для выражения чувств, идей, положений, примеров жизни; что-нибудь, используемое для изображения чего-то другого. Понятие символ включает в себе смысл, раскрывающий способности и возможности материальных вещей, событий, чувственных образов выражать идеальные содержания, отличные от их непосредственного чувственно-телесного бытия. Символ имеет знаковую природу, и ему присущи все свойства знака. Содержание символа как языкового знака носит коммуникативный характер, т.е. складывается из накопленной ранее информации. Концепт знака, по Н.Д. Арутюновой, связан с прагматикой речи. Знак имеет коммуникативную цель, то есть иллокутивную силу; тогда как символ императивен [Арутюнова 1990]. С данным положением можно согласиться только в том случае, если рассматривать символ как конвенциональный знак, находящийся за пределами языковой системы. Сущность же символа как элемента языковой системы – указывать на большее, чем есть он сам, тогда как сущность знака – чистое указание, отсылка.

Э. Сепир описал термин символ в свете общих проблем языка. Среди свойств этого термина им выделяются две постоянные характеристики. Первая из них – это заместительная функция символа, что объединяет символ со словом. «Символ всегда выступает как заместитель некоторого более тесно посредничающего типа повествования, откуда следует, что всякая символика предполагает существование значений, которые не могут быть непосредственно выведены из ситуационного контекста» [Сепир 2001]. Концентрация

содержания символа – главная его особенность. Этим символ отличается от слова, но является знаком, означаемое и означающее которого находятся в асимметричных отношениях. Вторая характеристика – указание на то, что символ «выражает сгусток энергии; т. е. его действительная значимость непропорционально больше, чем на первый взгляд тривиальное значение, выражаемое его формой как таковой» [Сепир 2001]. То, что у символа «означаемое выходит за рамки означающего», отмечают Ц. Тодоров, Вяч. И. Иванов, В.Т. Клоков. [Тодоров 1999; Иванов 1994; Клоков 1998]. Символ, преодолевая «земное тяготение», стремится обозначить «вечное и ускользающее» [Арутюнова 1990]. Именно символ выражает «ощущение запредельности»: символ уводит за пределы реальности благодаря энергии сжатого содержания. Такую функцию символа мы назовем, по Э. Сепиру, конденсационной. Конденсационными символами называются потому, что в них осуществляется единение и аккумуляция всего человеческого опыта, всех сторон жизни человека одновременно, синтезированы представления о мире во всех формах его существования – земном, подземном, небесном [Клоков 1998]. Э. Сепир называет конденсационный символизм сжатой (condensed) формой заместительного поведения, которая используется для прямого выражения чего-нибудь и позволяет полностью снять эмоциональное напряжение в сознательной и бессознательной форме [Сепир 2001]. В качестве иллюстрации приведем примеры использования античной символики конденсационного типа в литературном тексте: *«А дождь бежал по глиняному склону, / Гонимый стрелами, ветвисторогий, / Уже во всем подобный Актеону»* [Тарковский 1991]. Здесь Актеон – конденсационный символ, означаемым которого является содержание мифа об Актеоне. В греческой мифологии Актеон – страстный охотник. Он был превращен богиней Артемидой в оленя из-за того, что увидел ее купающейся. По другим вариантам мифа, за то, что пытался совершить насилие над богиней, похвалялся своим охотничьим превосходством [Мифы народов мира 2003]. Символ не есть только наименование какой-либо отдельной частности, он охватывает связь этой частности со множеством других, подчиняя эту связь одному закону, единому принципу, подводя их к некоторой единой универсалии [Постмодернизм 2001].

«Поэты любят из Елену, и причину в ней. Поэтому-то и можно до бесконечности вызывать ее образ, хоть ее самой и не было. Естественно, что я тут же прозвал свою фотонезнакомку Еленой, но поначалу лишь из-за этих невразумительных облаков» (Битов). Конденсационное содержание символа Елена заключено в цитируемом выражении: *«фотонезнакомку назвал Еленой»*. Означаемое представлено в сжатом виде: Елена прекрасная – символ красоты. Раскрывается содержание символа Елена (прекраснейшая из женщин) в греческой мифологии. В примере: *«Поэты любят не Елену, а причину в ней»* имени Елена принадлежит не конденсационная, а референциальная (отсылочная) характеристика.

Референциальную символизацию Сепир выделяет как тип наряду с конденсационной (заместительной). По сути своей референциальный символ – это слово, языковой знак, выполняющий отсылочную функцию в процессе коммуникации. Так, с одной стороны, трезубец – референциальное слово, которое возникает из цепочки звуков. Семантические особенности его употребления диктуются необходимостью адекватного общения людей. В этом смысле трезубец как орудие ловли рыбы выполняет отсылочную функцию по отношению к слову острога. Сравним дефиниции: трезубец – 1) род старинного оружия в виде жезла с тремя зубцами [Словарь русского языка 1988]; 2) трехзубчатая вилка с античных времен [Холл 2004]; 3) первоначально, по-видимому, острога для ловли рыбы используется и в современной ловле тунца в Средиземном море [Словарь античности, 1989]. Острога – колющее рыболовное орудие в виде вил с несколькими зубьями [Словарь русского языка, 1986]. Трезубец как символ Посейдона – это конденсационный знак, который включает в свое означаемое мифы о Посейдоне: Посейдон – в греческой мифологии бог морей, всех источников и вод. Своим трезубцем он мог вызвать землетрясение или бурю, выбил своим трезубцем источник на Акрополе [Словарь античности 1989]. В этом заключается заместительная функция символа трезубец в поэтической речи: *«Ты славись лирой золотой! Нептуну грозного трезубец! Не славь его»* (Пушкин).

Референциальный символ – знак языковой системы, но не символ (в узком смысле) в семиотике. Слово становится символом в силу проникновения в его означаемое глубинного, широкого, сконденсированного содержания, которое возвышает слово-символ до бессознательного. Рассмотрим пример мифопоэтического содержания, которое в сжатом виде превращает слово в символ. В греческой мифологии Пенелопа – прекрасная верная супруга Одиссея. В мифе заложен смысл, на основании которого Пенелопа стала считаться символом супружеской верности. В символе размыты семантические границы, тогда как в слове они обозначены четко. «В конденсационном символизме по мере роста самостоятельности символов возрастает также богатство значений. Однако главное эволюционное различие между символизмом такого типа и референциальным символизмом состоит в следующем: референциальный символизм развивается по мере совершенствования формальных механизмов сознания, а конденсационный все глубже и глубже пускает корни в сферу бессознательного и распространяет свою эмоциональную окраску на типы поведения и ситуации, на первый взгляд далеко удаленные от первоначального значения символа» [Сепир 2001]. Когда мы говорим: *«Эта женщина – настоящая Пенелопа»*, то понимаем, что речь идет о женщине – верной жене, на основании «сгустка энергии» в символе Пенелопа. В понятии вещи, по Аристотелю, подчеркивается воплощенная в ней [вещи] энергия сущности. А.Ф. Лосев, анализируя энергию сущности, описанную Аристотелем, отмечает, что вещь осмысливается, т. е. получает существование, исключительно через энергию сущности, и потому вещь и

есть энергия сущности, но как инобъптийная, уже не по естеству, но по благодати и по причастию. Энергия сущности отлична от самой сущности, и потому сущность не есть ее энергия; но энергия сущности неотделима от сущности и потому она сама сущность» [Лосев 1993]. Когда снижается «энергия сущности», когда снимается эмоциональное напряжение с означаемого, конденсационный символ превращается в слово (референциальный символ), просто в имя, например, Пенелопа (*Мою греческую подружку зовут Пенелопа*). «Чем менее первичен и ассоциативен символ, чем более он оторван от своего первоначального контекста и чем менее эмоционален, тем больше он приобретает воистину референциальный характер» [Сепир 2001].

Таким образом, символ – конденсационный знак, действительная значимость которого непропорционально больше, чем его тривиальное значение. Символ выступает как заместитель некоторого содержания. Сжатой формой заместительного поведения является означаемое символа. В этом заключается отличие символа как конденсационного знака от слова, которое по сути является референциальным знаком. Символ производит значение, и семантические границы его размыты, тогда как слово имеет четкие границы, обусловленные коммуникацией. Поэтический язык метафорически выражает устремленность символа к бессознательному, но чувственному: «*Как журавлиный клин в чужие рубежи – / На головах царей божественная пена – / Куда плывете вы? Когда бы не Елена, / Что Троя вам, одна, ахейские мужи? / / море, и Гомер – все движется любовью*» [Мандельштам 1990].